

50

ВМ

РГ-30485

ЕВГЕНИЙ БЕРМОНТ

АСТОЯЩИЕ РЫЦАРИ

БИБЛИОТЕКА „СГОНЕК“
№ 29
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1942

ЕВГЕНИЙ БЕРМОНТ

НАСТОЯЩИЕ РЫЦАРИ

30785

Издательство „Правда“
Москва — 1942

Отв. редактор Е. ЦЕЛТОВ

Издательство „Правда“

Изд. № 455

Л50922

Заказ типографии 968

Тираж 50 000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм.

Печ. л 1 $\frac{1}{4}$

Зн. в 1 п. л. 42 200

Цена 20 коп.

Подписано к печати 3.VII 1942 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Суцневская, 21.

БЕРЛИН ВЕСЕЛИТСЯ

По распоряжению Геббельса, по всей «третьей империи» началась жестокая борьба с пессимизмом в унынием.

Специальные уполномоченные и добровольные агенты следят за тем, чтобы радостные улыбки не сходили с губ вдов и сирот, чтобы звонкий смех отправляемых в концлагери и громкий хохот падающих от истощения ни на секунду не прекращался.

В общем Германию обуяло судорожное веселье.

Встречаясь на Унтер ден Линден, берлинцы с радостными возгласами видались друг другу в объятия:

— Здравствуй, Карл!.. Ну, и похудел же ты, подлец! Ха-ха-ха! Краше в гроб кладут!..

На что приятель разражался в ответ таким же веселым бляением:

— Да и ты, братец, тоже хорош!.. Ха-ха-ха!.. Кожа да кости!.. А я сейчас прямо из госпиталя! Вот умора!.. Двоюродного брата привезли: под Мо-

жайском обе ноги отморозил... Ну и смеху же было!

И оба друга, увидев шагавшего мимо шуцмана, схватились за животики, делая вид, что они буквально надрываются от хохота.

— Ну, прощай, Ганс. Что это ты тащишь с собой?

— Пластинки... Фокстрот, танго, легкие романсики... К Шмидтам иду: они сегодня сына хоронят...

— Вот свиньи! Меня-то не позвали... Как что-нибудь веселое, так молчок... А я ведь их на все панихиды звал: и по дяде Максу, и по Леопольду, и по тому, помнишь, лейтенанту — жениху Клары...

— Ну, прощай, Карл!

— Прощай, Ганс!

И приятели побежали в разные стороны, храня на лицах радостные улыбки.

Приказ господина министра пропаганды был строг и неумолим. Жестокая борьба с сеятелями уныния и пессимизма. Чтобы отныне никаких пасмурных рож! Никаких грустных физиономий! Никаких скорбных мин, печальных взглядов, слез, стонов, рыданий...

Даже когда на бульваре или в скверике расхнычется какой-нибудь ребенок, и то около него тотчас же вырастает рослый шуцман:

— Ты зачем уныние распространяешь, а-а? Вот я тебя, паникер, возьму за жабры да в гестапо...

— Оставьте его, герр шуцман! — вступается

нянька, стараясь загородить плачущего мальчугана. — Он еще маленький: пяти лет нету..

— Пяти лет нету, а уже пессимист.. Вот паршивец!.. Небось, ты, нянька, ему все про дела на русском фронте рассказываешь?

— А чего ему рассказывать-то? Будто он понимает.

Но бдительный шущман строго грозит пальцем:

— А не понимал, так не ревел бы.. Ты мне смотри! Еще раз услышу недозволенные звуки — худо будет..

Он тяжелой походкой идет дальше, и при виде его замолкают, глотая слезы, даже только что отшлепанные дети.

И на светских раутах, и в театре, и на офицерских пирушках не ослабевал надзор за нытиками и пессимистами.

— Фрау Лиззи! Я слежу за вами уже полчаса, и вы ни разу не засмеялись..

— Что вы, что вы, герр лейтенант!.. Смотрите лучше: я все время улыбаюсь..

Но опытного лейтенанта не так легко было проведи:

— Разве это честная арийская улыбка? Это просто гримаса.. Вы так скривили губы, будто вам не нравятся последние сводки с фронта.. Шире, шире надо улыбаться, фрау Лиззи!

— Вот так, герр лейтенант?

— Еще шире..

— Так?

— Еще, еще шире!

Несчастливая фрау Лиззи беспомощно разводит руками:

— Шире я не могу, герр лейтенант. Поймите женщину: все увидят, что у меня фальшивые зубы...

— А так все видят, что у вас фальшивая улыбка. Придется сообщить в полицию... Там лучше разберут, что у вас фальшивое и что нужно решительно, по-арийски вышибить: зубы или нечто совсем другое.

Господин министр пропаганды Иосиф Геббельс достиг своей цели: нет больше в «третьей империи» пасмурных лиц, грустных физиономий, скорбных миц, печальных взглядов, слез, стонов, рыданий...

В МИЛОМ ФАТЕРЛАНДЕ

Почтенный коммерсант герр Герман Пфюль, проживший много лет в Аргентине, возвратился наконец в милый фатерланд.

В вокзальном буфете он купил папиросы. Дым отечества ведь так сладок и приятен! Герр Пфюль с наслаждением затянулся. И вдруг лицо его дико перекосилось, точно он проглотил, по крайней мере, динамитную шашку.

— Что это такое?! — завопил герр Пфюль, неистово кашляя и хватая за плечо растерявшегося буфетчика. — Какую невообразимую гадость вы сунули в эту несчастную гильзу? Что это за табак?

— Это не табак, господин... Это заменитель табака...

— Какой еще там, черт подери, заменитель?!

— Господин, видно, недавно в Германии? Иначе он знал бы, что у нас теперь всюду заменители... Берется какая-нибудь дрянь, чем-то напоминающая естественный продукт, и последний ею заменяется...

Герр Пфюль с ужасом посмотрел на папиросу:

— Чем же вы все-таки заменили табак?

Буфетчик произнес еще с большим достоинством:

— Прекрасный состав! Ничем не уступает лучшим турецким сортам. Одобрен имперским советником по заменителям. Унция лошадиного навоза плюс самый обыкновенный кухонный наждак.

Герр Пфюль поспешно швырнул пачку в близстоящую урну и пошел прочь...

В ресторане ему дали салат из лопуха, заменившего огурцы и помидоры, затем свиную отбивную, причем, какое именно животное заменило свинью, не мог объяснить даже еле передвигавший ноги восьмидесятилетний старец — так сказать, заместитель официанта.

В гостинице герр Пфюль сразу лег спать. Утром он быстро умылся куском картона, издававшего едва уловимый запах туалетного мыла, и отправился гулять.

Прежде всего аргентинец решил посетить книжный магазин. Ведь он столько лет был оторван от германской культуры! Там, в Буэнос-Айресе, герра Пфюля всегда преследовали видения его студенческой юности, так тесно связанной с насмешливой музой Генриха Гейне.

Герр Пфюль бодрым шагом вошел в большой пустой магазин.

— Скажите, пожалуйста, — обратился он к пожилой женщине, стоявшей у прилавка, — нет ли у вас «Путешествия на Гарц» Гейне?

Женщина ахнула:

— Что вы, что вы!.. Нет, нет! И не будет!

Герр Пфуль удивился:

— Ну, а Берне?.. Может быть, есть томик Бёрне?

Продавщица была близка к обмороку:

— Мы этим не торгуем! Уходите, пожалуйста, господин!.. У нас только современные! Самые современные книги! Уходите!..

— Ах, современные!—воскликнул довольный герр Пфуль.—Очень хорошо!.. Дайте тогда какой-нибудь из последних романов Томаса Манна..

Женщина только в отчаянии замахала руками.

— Ну, Генриха Манна... Тоже нет? Какой странный магазин!.. Тогда дайте Бернгарда Келлермана или Стефана Цвейга...

— Только романы Иосифа Геббельса, — наконец выдавила из себя перепуганная продавщица. — Романы Иосифа Геббельса — и больше ничего... Берите роман Иосифа Геббельса...

— Ах, заменитель, — вдруг неожиданно сообразил герр Пфуль, — заменитель литературы...

И тут же сразу вспомнил слова вокзального буфетчика: «Берется какая-нибудь дрянь, чем-то напоминающая естественный продукт, и последний ею заменяется».

В театр герр Пфуль уже не пошел. Ему не хотелось видеть вместо Макса Рейнгардта очередной заменитель — так сказать, театральную помесь лошадиного навоза с кухонным наждаком. Не тяну-

ло также и в кино — кушать тамошний салат из лопуха.

На следующий день герр Пфүль отправился с визитом к своим родственникам.

Вскоре к ним пришла молоденькая племянница Луиза в сопровождении какого-то мордастого парня в форме охранных отрядов.

— Это, вероятно, муж Луизы? — осведомился аргентинский родственник, когда парочка скрылась в соседней комнате.

— Нет, что ты... Муж Луизы уже два года непрерывно на фронте...

— Кто же этот юноша?

Родители переглянулись:

— Как кто? Неужели не догадываешься? Замечатель...

Почтенного коммерсанта герра Германа Пфүля вдруг неудержимо потянуло назад, в чужую, далекую Аргентину.

ИЗ БЫТА ФЕЛЬДМАРШАЛОВ

В последнее время здоровье немецких фельдмаршалов резко пошатнулось. Буквально какой-то мор напал на генералитет.

Эпидемия возникла тотчас же после неудач на Восточном фронте. Прежде всего она скосила самого верховного главнокомандующего фон Браухича. Вслед за ним на подступах к Москве ущемил грыжу фон Бок. Где-то под Тулой при поспешном драпе застудил оба легких Гудериан. А затем уж в порядке живой очереди стали валиться и остальные...

Естественно, что в кругу ближайших родственников фашистских военачальников начался форменный переполох.

— Бедная сестра Луиза! Подумать только: четверо малых ребят, и муж — фельдмаршал на Восточном фронте...

— А разве с ним что-нибудь случилось, фрау Берта?

— С чем? С фронтом?

— Да нет! С мужем.

Фрау Берта вытерла глаза трофейным носовым платочком:

— Нет, с мужем, слава богу, еще ничего не случилось, но с фронтом случилось... Вы ж понимаете, милая Гильда, как отражается на здоровье генералов каждый отданный обратно русский город... После Ростова у Клейста нашли камни в печени, и теперь бедняга боится, что извлекать эти камни будет Гиммлер.

Фрау Берта снова вытерла глаза трофейным платочком, напудрила носик трофейной пудрой и спрятала всю свою трофейную технику в такого же уголовного происхождения сумочку.

— Ну, может быть, как раз с вашим зятем ничего и не произойдет, — попыталась успокоить ее приятельница.

— Не произойдет? — безнадежно вздохнула фрау Берта. — Если уж с самим Браухичем произошло...

— А что с Браухичем? У него тоже нашли камни в печени?

— Хуже! У него нашли камень за пазухой... Он, — страшно даже вслух вымолвить, фрау Гильда, — во всех наших неудачах на Восточном фронте винит фюрера!.. Представляете себе, как сразу ухудшилось его здоровье?

— Он, вероятно, лежит?

— Лежит или сидит — это точно никто не знает... Скорее, сидит...

Фрау Берта распрощалась с фрау Гильдой и, уходя, еще раз вздохнула:

— Да-а... Бедная Луиза!.. Хорошо, если фюрер распорядится, чтобы ее муж заболел только воспалением легких или желчного пузыря... А если он выберет паралич сердца?!

И она тоскливо махнула рукой.

Волновались не только дамы из семей фашистских военачальников. Изрядно струхнули и сами военачальники. По ночам уцелевшие фельдмаршалы тревожно перезванивались:

— Либер Бок? Это говорит фон Лист... Скажите, пожалуйста: выяснилось ли наконец, отчего умер наш друг Рейхенау?

— Выяснилось, конечно... От удара.

Лист отчаянно заохал в трубку:

— Майн гот!.. Ах, майн гот!.. Такой на вид здоровый мужчина и сканутился от первого же удара...

— Да, но какой это был удар!

— Вероятно, апоплексический?

Телефонная мембрана нервно затрепетала от мрачного хохота фон Бока:

— Какой там еще апоплексический?! Обыкновенный вульгарный гиммлеровский удар рельсой по голове в укромном местечке..

У Листа мучительно заныло под ложечкой. Дело в том, что он только сегодня утром в самом отличном расположении духа присхал из Греции и в вагоне случайно прочитал официальное сообщение о своем пошатнувшемся здоровье...

После этого его здоровье действительно пошатнулось и у него произошли три сердечных приступа подряд.

— Ну, а как вы себя чувствуете, либер фельдмаршал? — спросил наконец Лист, немного успокоившись.

— Плохо, либер фельдмаршал...

— Тоже, небось, здоровье? Пошатнулось?

— Именно. Четыре удара уже перенес... Один под Солнечногорском, другой под Клином, третий под Волоколамском, четвертый под Калугой..

— Ну, а теперь?

— Жду пятого...

— Рельсой по голове?

— Именно... Ауфвидерзейн, фельдмаршал...

— Адью, фельдмаршал..

Они отправились спать. Ночью обоим приснился Гиммлер, который с ножом в зубах лез в окна фельдмаршалских спален ущемлять грыжи, делать параличи сердца и апоплексические удары..

КАК СОГРЕТЬСЯ?

Генерал фон Пфейфер, потерявший при несколько поспешной перемене резиденции чемодан, бритву и левый сапог, обосновался наконец в какой-то сырой землянке и велел пригласить к себе господ офицеров.

Господа офицеры быстро собрались.

— Известно ли вам, милостивые государи, — начал генерал, откашлявшись и отчихавшись, — что мы отступаем?

Для офицеров, которые, не переводя дух, удирали, по крайней мере, пятьдесят километров, генеральское сообщение не оказалось особенной сенсацией.

— Итак, это вам, повидному, известно... Но известно ли вам, почему мы отступаем?

— Вероятно потому, что русские наступают, — наивно предположил молоденький лейтенант с испуганными глазами.

Генерал кинул на него суровый взгляд и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Запомните, господа: мы не отступаем, мы просто отводим свои войска на зимние квартиры..

Все невольно посмотрели на мокрую, занесенную снегом землянку и тяжело вздохнули, вспомнив высокую комнату с пылающим камином, которую занимал генерал фон Пфейфер в городе Калинин.

— М-да... — протянул пожилой полковник, лязгая зубами от сырости, — странная страна — Россия... Зимние квартиры здесь почему-то расположены в лесу и в сугробах. Ёр-р! Я предпочел бы до весны посидеть в летних квартирах.

Фон Пфейфер недовольно постучал согнутым пальцем по столу:

— Я вас затем и собрал, господа... Нам нужно обсудить вопрос: как согреться? Припомните, пожалуйста, все известные вам способы согревания.

— Рюмка бенедиктина с чашкой настоящего кофе в теплом берлинском кафе... — начал было один офицер.

Но пожилой полковник, лязгающий зубами, желчно перебил его:

— Бросьте, Фриц! Вам двадцать два года... Когда великий фюрер пришел к власти, вам стукнуло только тринадцать лет. Откуда вы знаете, что такое теплое берлинское кафе и настоящий кофе.

Некоторое время все молчали. Потом молоденький лейтенант с испуганными глазами несколько сконфуженно сказал:

— Я могу поделиться только своим личным опытом, господин генерал... Если, например, надеть

шесть пар дамских трико, три бюстгальтера, набитых ватой, завернуться в шерстяной платок..

Фон Пфейфер грубо оборвал неудачного советчика:

— У вас не только бюстгальтер: у вас и голова набита ватой. Где я возьму столько дамских трико, чтобы одеть целую дивизию? Ищите более простые способы, как согреться.

— Русские, чтобы согреться, надевают тулупы и валенки, — слышался чей-то голос.

— Тулупы и валенки?! Вы бы еще посоветовали выдать каждому солдату по бобровой шубе и большому палантину! Ближе к природе, господа...

— Звери, чтобы не мерзнуть, обрастают шерстью.

Генерал вдруг ударил себя по лбу и радостно захохотал:

— Ба! А ведь это идея!

— Какая идея? Обрасти шерстью?

— Зачем шерстью? А если предложить всем солдатам отпустить бороды? Отличное согревающее средство!

— Я могу поделиться только своим личным опытом, господин генерал, — снова замямлил молоденький лейтенант с испуганными глазами. — Мы с Фрицем набивали бюстгальтеры не только ватой, но и волосом. И волос греет лучше..

Поднялся страшный шум.

— Позвольте! — кричал пожилой полковник с лязгающими зубами. — У меня главным образом

мерзнут ноги. Какая же мне нужна борода, чтобы согреть ноги?

— А ко мне в часть присылают подкрепление только семнадцатилетними мальчиками. У них вообще бороды не растут.

— А у меня..

Но в этот момент послышался сигнал полевого телефона. Начальник штаба взял трубку — и у него сразу задрожали и руки, и трубка, и голова с каской, и голос.

— Казачьи части прорвались в тыл нашей дивизии! — заорал он.

Генерал вскочил:

— Господа офицеры! Мы совсем забыли, что самое лучшее, самое верное средство согреться — это побегать, — и он вылетел из землянки, как пуля из автомата.

Генерал фон Пфейфер и его штаб согревались ровно двадцать три километра. Средство действительно оказалось самым верным. Молоденький лейтенант давно сбросил все свои трико, у пожилого полковника отлично согрелись ноги, а что касается самого генерала, то от него шел пар, как от загнанной лошади.

На двадцать четвертом километре их нагнали казаки.

НАСТОЯЩИЕ РЫЦАРИ

Представитель германского командования в некоей оккупированной стране майор Зельц кипел от негодования. Три местных фашиста безуспешно юлили около него.

— Что это такое, господа?! — кричал Зельц, сжимая в кулак сардельки правой руки. — Прошло уже много времени, как фюрер объявил «крестовый поход» против большевиков, а где ваши добровольцы?

— Не идут, господин майор!

Зельц от возмущения вылупил оловянные глаза:

— Что значит не идут?! Вы что, в Америке живете, что ли? Хватайте на улицах прохожих и объявляйте их добровольцами...

— Хватали, господин майор.

— Ну?

— Объявляли их добровольцами... А они говорят, что скорее умрут, чем пойдут в вашу гнусную банду...

Майор сердито сплюнул:

— Они умрут даже скорее, чем предполагают... Об этом позабочусь я... А вы, господа, просто собрание унылых идиотов, понятия не имеющих, где

надо искать настоящих, круглоголовых, северных богатырей...

И он приказал отвезти себя в уголовную тюрьму.

Когда майор обходил камеры, взгляд его упал на огромного детину с такой зверской рожей, которую не часто отыщешь даже среди ближайших сотрудников самого Гимmlера.

— Наш, — решил Зельц и, обратившись к сопровождающим его лицам, сказал: — Вот настоящий первобытный человек, не тронутый этой проклятой интеллигентской культурой.. Бьюсь об заклад, что в его роду не было приват-доцентов и инженеров-технологов.

Окружающие согласились с майором, что в роду этого первобытного человека можно скорее найти неприрученную гориллу, нежели приват-доцента.

— Ваше имя?

— Боре, Густав...

— За что осужден?

— Сущие пустяки, господин майор... Мы с приятелем ночью очистили одну небольшую квартирку и за это получили по пятнадцати лет каждый...

Зельц удивился:

— Пятнадцать лет за оккупацию одной квартиры?!

— Да, господин майор, старые порядки... При «новом порядке» этого, конечно, не получилось бы... Правда, мы при грабеже... то есть, как вы выражаетесь, при оккупации... пришили хозяина квартиры...

Майор расхохотался:

— Ну, так что? Мы при оккупации пришивали сотни тысяч хозяев страны.. Какая мелочь!.. Тем более, я убежден, этот ваш хозяин, наверно, принадлежал к какой-нибудь неполноценной расе?..

— Конечно, к неполноценной,—обрадовался убийца,— к абсолютно неполноценной, господин майор.. Мы с Полем обшарили все четыре комнаты и ничего ценного не нашли.. Даже ложки, и то не серебряные, а мельхиоровые.. Тоже раса, чорт ее возьми!

Майор коротко распорядился:

— Немедленно освободить и зачислить в добровольческий корпус!

Запись в добровольцы пошла довольно бойко. Было обнаружено большое количество людей с абсолютно тевтонскими душами. Майор Зельц ликовал. Подумайте только, такого прелестного парня, как Жюль Берке, который, борясь с банковским капиталом, самолично взломал двадцать девять стальных сейфов, держали в тюрьме и грубо называли медвежатником!

Конечно, Жюль Берке будет в первых рядах гитлеровских «крестовых рыцарей».

Или, например, свой в доску Клод Сюже, изнасиловавший трех женщин! Он прозябал в тюремной камере в полной бездеятельности, в то время как для него на гиммлеровских брачных пунктах непочатый край работы.

Записали и Клода Сюже.

Старый начальник тюрьмы, еще плохо усвоивший принципы «нового порядка», с ужасом следил, как редели ряды его опасных квартирантов.

Наконец, представитель германского командования добрался до еще молодого коренастого арестанта, которого от всех предыдущих уголовных преступников отличали умные искорки в глазах.

— За что осужден? — задал свой стереотипный вопрос Зельц.

— Я — мошенник, — коротко ответил арестант.

Майор даже несколько растерялся от такой прямоты.

— Ну, зачем же так резко, голубчик? — сказал он, ласково потрепав собеседника по плечу. — Что вы, собственно говоря, такое сделали?

— Я сделал несколько фальшивых документов,

Представитель германского командования громко расхохотался:

— Только-то! С кем это не бывало, приятель!.. Возьмите даже доктора Геббельса, и то... Гм, гм... это со всяким может случиться... Записывайтесь в добровольцы — и будете на свободе..

Арестант пожал плечами:

— У гитлеровцев столько мошенников, господин майор... Зачем вам понадобился еще один?

Майор нахмурился:

— Не забывайте, молодой человек!.. Вам никто не зовет в нашу партию! Там, действительно, достаточно жулья и без... э-э-э... Вам предлагают сво-

боду, если вы примете участие в нашем великом восточном предприятии... Ну?!

Арестант поклонился:

— Я слишком опытный мошенник, господин майор, чтобы принимать участие в дутых предприятиях...

И отошел.

Весь остальной путь представитель германского командования майор Зельц был мрачен и сердито сжимал кулаки.

ПРИНЯТО НА ВООРУЖЕНИЕ...

Генерал-майор фон Бутерброд решил, наконец, круто расправиться с мародерами.

— Они пятнают славное знамя моей дивизии, — сказал он адъютанту и, вынув из кармана золотые часы, добытые при штурме одного варшавского ювелирного магазина, добавил: — Однако третий час... Приступим, капитан!

И они твердым шагом направились прямо к танку лейтенанта Морица Тышке.

Танк Морица Тышке был закрыт на переучет. Сам Мориц, сбросив офицерский китель с тремя железными крестами, ворошил груды трикотажа, отрезов, ботинок, ботинков, горшков, ковров и посуды.

— Ого, лейтенант! — с завистью воскликнул фон Бутерброд, просовывая голову в машину. — Ваш танк напоминает берлинский универмаг в те далекие счастливые... в те далекие гнусные времена, когда там еще были товары... Хочется подойти к прилавку и попросить что-нибудь завернуть.

— Что прикажете, господин генерал?

Генерал уже собрался было приказать, но тут адъютант напомнил:

— Мы пришли бороться с мародерами. Вы хотели стереть со славного знамени дивизии кличку автотолебанды...

— Ах, да! — спохватился фон Бутерброд, резко меняя тон. — Что это за безобразие, Тышке?! Разве вы не знаете, что в боевом танке могут находиться только те предметы, которые приняты на вооружение в германской армии? Что это за хрустальная люстра?

— Простите, господин генерал, но эта люстра дорога мне как память.

— Как память? О ком?!

— О ее владельце. Мне пришлось застрелить этого глупого поляка...

— Недурно придумано... Ха-ха-ха... А на память о ком, лейтенант, вы завалили танк всеми этими пачками мужского белья?

— Это — не мужское белье, а дамское, — поправил Тышке.

— Разве?.. Гм... И, знаете, довольно неплохой трикотаж... Жена как раз просила приглядеть для нее что-нибудь в этом духе...

Лейтенант взял экземпляр «Фелькишер беобахтер» со статьей Геббельса о рыцарском духе немецких офицеров и стал старательно завертывать довольно толстую пачку дамского белья.

— Послушайте, капитан, — сказал, наконец, фон Бутерброд, круто повернувшись к адъютанту, —

Все-таки мы должны помнить, что благодарное население захвачен... то есть освобожденных областей не оставляет своим вниманием наших офицеров... Взять хотя бы это... гм... дамское трико... Поскольку пачки таких трико мы видели почти во всех танках, будем считать, что они... гм... приняты на вооружение танковых частей германской армии...

Адъютант почтительно наклонил голову. Тышке просто пришел в восторг от мудрости начальника дивизии:

— Разрешите тогда просить, господин генерал, принять на вооружение в танковых частях также дамские туфли на французских каблуках... У меня их двадцать две пары...

— Французские каблуки?... Что-то неловко получается, Тышке... Германская армия—и вдруг... фи... французские каблуки... Неужели там не было других каблуков? Ну, хотя бы румынских...

— Откуда у румын возьмутся каблуки, если у них вся армия босая?!. Когда мы устанавливали «новый порядок» в этом обувном магазине, других туфель не было...

Когда же Тышке со вздохом взял «Фелькишер беобахтер» и стал заворачивать туфли в очередную пачкотню доктора Геббельса, генерал добавил:

— Не забудьте, лейтенант, что у меня на вооружении не только жена, но еще две дочери, свояченица и племянница...

СВЯЩЕННИКИ В УПРЯЖКЕ

В «отделе большевистских зверств» германского министерства пропаганды шла напряженная работа.

Несколько офицеров, зарывшись в бумаги, торопливо прорабатывали донесения с фронта.

«При занятии нашими доблестными войсками деревни Н было захвачено большое количество лошадей... Кроме того захвачены мулы в упряжке. Часть из них уничтожена красноармейцами при отходе...» Гм, гм... Лейтенант Гешке...

Юный лейтенант с куском розовой ветчины вместо лица почтительно щелкнул каблуками:

— Слушаю, герр капитан!

— Вы, Гешке, специалист по русским делам... Что это у них там за мулы?

— Мулы — это магометанские священники, герр капитан!

Капитан даже вскочил от такой приятной неожиданности:

— Вот это здорово!.. Прелестный материал, лейтенант! Сенсация!.. В Сирии и Ираке это вызовет бурю возмущения... Сам Геббельс будет доволен...

Через полчаса капитан, держа в руках драгоценный «документ», торжественно входил в кабинет заведующего «отделом большевистских зверств» майора фон Тышке:

— Ужасные сообщения, герр майор!.. Большевистские зверства.. Кровь стынет в жилах..

Майор посмотрел на него холодным взглядом:

— Вы не в радиостудии, капитан.. И не на пресс-конференции иностранных корреспондентов.. Мы люди свои.. Если у вас за пять лет работы в гестапо в жилах ничего не застыло, то теперь..

И майор махнул рукой:

— Дайте сюда, что вы там состряпали.

Капитан положил на стол свое донесение, и фон Тышке медленно прочел его:

— «При занятии нашими доблестными войсками главного города провинции Н было захвачено большое количество лошадей.. Кроме того захвачены магометанские священники в упряжке.. Часть этих несчастных священнослужителей была зверски зарезана бежавшими красноармейцами.. Должно быть, у большевиков уже нехватает транспортных средств, если они начинают заменять грузовики магометанскими священниками.. На снимке изображено 324 трупа магометанских священников..»

Майор задумался.

— А это не много будет?

— Что вы, герр майор! — загорячился капитан. — Самые точные сведения!.. Ни одного трупа от себя не прибавил..

Фон Тышке презрительно усмехнулся:

— Знаю, знаю ваши точные сведения... Математика у вас всегда хромает... Прошлый раз вы заставили большевиков в одном местечке вырезать столько немецких учительниц, сколько их не наберешь во всей Германии вместе с оккупированными странами...

И, взяв со стола донесение, сказал:

— Можете передать по радио...

Прошло несколько дней. Как-то рано утром капитана срочно потребовали к майору.

Фон Тышке сидел за столом с багровым лицом и сжатыми кулаками. Перед ним лежали кипа американских газет и раскрытый том энциклопедического словаря.

— Что такое мулы, герр капитан?—спросил начальник голосом, не предвещающим ничего хорошего.

— Ма... ма... магометанские священники, — запинаясь, ответил специалист по большевистским зверствам.

Майор сердито сплюнул:

— Самы вы магометанский священник, герр капитан! Читайте...

И он сунул ему под самый нос том энциклопедического словаря.

— «Мул, — медленно читал капитан, — помесь осла и кобылы, больше похожа на лошадь, чем на осла. Отличается более длинными, чем у лошади, ушами, коротким пучком волос...»

Дальше фон Тышке читать ему не дал. Он грубо вырвал книгу и крикнул:

— Поняли?.. Весь мир над нами смеется!.. И где вообще вы взяли этих мулов?! Эх, вы, магометанский священник с ушами более длинными, чем у лошади!.. Сами вы мул! Только тот, который более похож не на мать — кобылу, — а на отца — осла...

«НОРВЕЖСКИЙ ЛЕГИОН»

Адольф Гитлер очень хотел иметь в своих рядах хоть какой-нибудь завалыщий норвежский легион. Упрямые норвежцы ни за что не желали вступать в гитлеровские ряды.

Это очень раздражало фюрера.

— Ничего не понимаю, господа! — говорил он своим прихвостням. — Неужели нельзя во всей стране наскрести несколько тысяч жуликов?.. Ведь удалось же это во Франции!

— Ну, Франция — совсем другое дело!.. А Норвегия издавна славилась как страна, в которой отсутствует уголовный элемент..:

— А Квислинг?

— Один Квислинг не в состоянии испоганить целый народ...

Фюрер сердито прошелся по кабинету. Гневно топнул ногой:

— Ладно!.. Предположим, жуликов в этой дикой стране действительно мало. Но должны же быть сопляки!.. Завербуйте три — четыре сотни сопля-

ков, и все-таки будет видимость какой-то чисто норвежской воинской части..

— Слушаюсь!..

И тотчас в Осло был расклеен приказ германских оккупационных властей. Несовершеннолетние норвежцы получили право вступать в ряды фашистского легиона без разрешения родителей..

Но легче было дать соплякам это право, чем последним его осуществить. На их пути стали папы и мамы. Первый же несовершеннолетний Ганс Христиан, заикнувшийся мамаше о своем желании ехать сражаться на Восточный фронт, получил увесистую затрепщину от родительской руки.

Это было, так сказать, боевое крещение норвежского легиона.

— Вот тебе!.. Вот тебе!.. — приговаривала мамаша, когда за вступительной затрепщиной последовал оглушительный град оплеух. — Нечего, нечего визжать, привыкай быть битым... На Восточный фронт собираешься.. Хотя я дома тебе такой фронт устрою, что никуда ехать не понадобится..

Но Ганс Христиан, угреватый оболтус, горе и позор честной норвежской семьи, продолжал упорствовать:

— А вот поеду!.. Сказал: поеду — и поеду!.. Мне теперь твоего разрешения не требуется!

— Ах, так!

И разгневанная мамаша, схватив ремень, быстро подавила сопротивление норвежского легиона, отхлестав его по главному опорному пункту..

Новый приказ не дал никаких результатов.

В Центральном вербовочном бюро попрежнему дела шли из рук вон плохо. Немецкий майор свирепо сверлил очами двух перепуганных квислингов, не знавших, чем и как умаслить раздраженного повелителя.

— Опять никто не был?!

— К сожалению, господин майор...

Немец со злости сломал карандаш и швырнул обломки в угол:

— Ну и что ж вы все-таки предпринимаете, милостивые государи?

Милостивые государи переглянулись:

— Стараемся, господин майор... Вчера на бульваре целую кампанию провели. Вперед ефрейторов-красавцев пустили, чтобы нянек отвлечь, а сами ребят ванильным шоколадом в казармы заманивали... Три взвода завербовали...

— Где же они, эти взводы?

Один из квислингов робко развел руками:

— Отпустить пришлось... Как стемнело, тут такой концерт поднялся... Первый взвод ревет, второй — к маме просится, третий — на горшок...

В это время дверь распахнулась — и в бюро быстро вошла какая-то разгоряченная мамаша, волоча за собой упирающегося, зареванного паренька лет четырнадцати:

— Здесь ребят в легион записывают?

— Здесь, милая.

— Нате вам мое сокровище, — буркнула посетительница, подтолкнув мальчика к столу, за которым сидел майор.

Немец торжественно поднялся и столь же торжественно протянул ей руку:

— Вы проявили настоящее гражданское сознание, милая фру, — сказал он. — О вашем поступке будет сообщено фюреру... Ваш сын еще мал, но не беспокойтесь: мы из него воспитаем настоящего фашистского молодца...

Посетительница в ответ только передернула плечами:

— А что мне беспокоиться? Слава богу, и так чистый фашист вырос...

— Серьезно?!

— Ну да... Вчера сестренке в подушку булавку воткнул, сегодня буфет взломал и все варенье выкрал, а на прошлой неделе подпись отца в школьном дневнике подделал...

Но майор уже ничего не слышал. Он составлял телеграмму Геббельсу о том, что формирование легиона проходит успешно и тысячи норвежских юношей днем и ночью осаждают вербовочное бюро.

У НЕМЕЦКИХ ПАТРИОТОВ

Ночью в квартиру Шмитов три раза резко позвонили.

Сам герр Шмит, набрасывая на ходу халат и от волнения так и не понав в левый рукав, побежал открывать.

В дверь ввалились три здоровенных штурмовика с такими бифштексными мордами, что невольно хотелось осведомиться, почему они без полагающегося к ним гарнира.

— Хайль Гитлер! — приветствовали гости дорогого собрата по «третьей империи».

— Ха... хайль, — прошептал хозяин, не предвкушая ничего хорошего от этого визита.

Штурмовики, топоча сапожищами, гуськом проследовали в комнаты.

— Мы пришли, герр Шмит, — сказал старший из отряда, — узнать: какие теплые вещи вы намерены добровольно сдать для армии?

— Но я уже все сдал! — застонал несчастный герр, хватаясь за спинку стула, так как у него от патриотизма подкосились ноги.

— Кому сдали?

— Вашим штурмовикам. Они у меня здесь рылись с восьми вечера и до...

Но старший властным жестом оборвал его излияния:

— Имейте в виду, герр Шмит, что мы обысков не делаем... Вы вещи сдаете добровольно по призыву фюрера. А мы лишь пришли напомнить, что за невыполнение этого гражданского долга полагается смертная казнь...

И он выразительно дотронулся рукой до огромной кобуры.

Шмиту понадобился еще второй стул, чтобы удержаться на ногах:

— Честное слово, господа, мне уже раз напоминали... Вот посмотрите, даже синяк под глазом еще не прошел...

Штурмовики переглянулись. В лиловом кровоподтеке на скуле немецкого патриота они, должно быть, узнали знакомую руку.

— Гм... И вы утверждаете, что наши товарищи забрали у вас все теплые вещи?

— Абсолютно все! Даже серебряный будильник они почему-то признали теплой вещью и унесли собой.

Старший с сомнением почесал бровь:

— Неужели у вас в семье не осталось ничего теплого?

— Ничего теплого, кроме вчерашнего сурогатного кофе в термосе... Ей бсгу!

В это время дверь чуть приоткрылась и из спаль-

ни выглянула перепуганная фрау Шмит в чепце и фланелевой ночной кофте.

— У-у-у! — зарычал один из штурмовиков, сорвавшись с места — Он врет, ребята!.. Вон отличная теплая штука!

— Что вы, что вы, господа! — в страхе заюлил хозяин. — Это моя жена! Ей пятьдесят два года!

— Да, но ведь кофта-то на ней фланелевая!

— Это же дамская кофта!.. Ночная кофта!..

— Мало что ночная... Любой лейтенант ее с удовольствием наденет... На русском фронте они сейчас не особенно следят за модами.

И он рысью помчался в спальню.

Оттуда послышались пронзительный женский визг, затем шум борьбы, грубая брань и снова женский визг.

Наконец в дверях показался торжествующий штурмовик с испарянным носом и бабьим барахлом в охапке.

— Запишите, герр начальник, добровольный дар на нужды армии от этой старой ведь... тьфу... от этой славной патриотки фрау Шмит.

Обыск продолжался всю ночь. Были изъяты три ветхих пеленки, съеденный молью бабушкин салоп и юная кошка Мурка, которая несмотря на все устные и письменные призывы фюрера сдавать теплые вещи до сих пор не сдала свою пушистую беленькую шкурку...

Ее предали смертной казни.

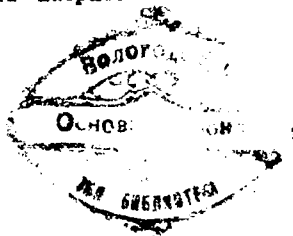
Утром герр Шмит выполз в столовую и механически включил радио. Из эфира донесся знакомый голос господина Геббельса:

— Сбор теплых вещей для германской армии проходит блестяще. Это свидетельствует об огромном подъеме патриотического чувства среди..

Герр Шмит резко выдернул штепсель.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Берлин веселится	3
В милом фатерланде	7
Из быта фельдмаршалов	11
Как согреться?	15
Настоящие рыцари	19
Принято на вооружение.. . . .	24
Священники в упряжке	27
«Норвежский легион»	31
У немецких патриотов	35

№ 53 г.

Цена 20 коп.

23

000